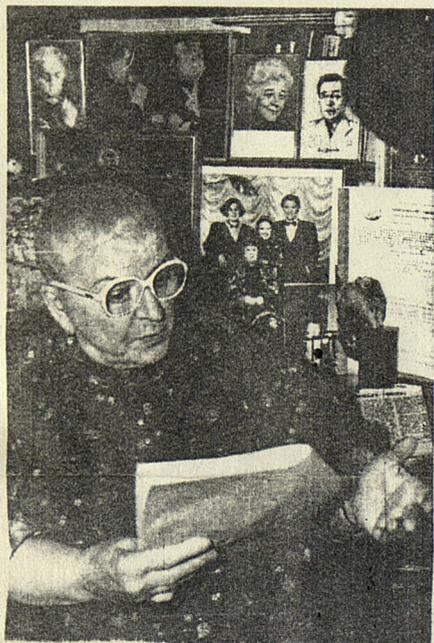

Мария Владимировна Миронова - актриса Театра-студии Олега Табакова, жена и многолетний творческий партнер Александра Менакера, мама Андрея Миронова. А еще - коренная москвичка. «Мне кажется, на сегодняшний день из старых москвичей остались только Минин с Пожарским, Василий Блаженный и я», - пошутила Мария Владимировна перед тем, как началась наша беседа об Арбате, каким она его помнит и любит.

Я живу на Арбате последние двадцать семь лет, и называю его «мой Арбат», потому что здесь прошли мое детство и юность. На Арбате в роддоме Грауэрмана родился Андрей, здесь он закончил Шуйкинское училище и стал актером.

Я училась в бывшей гимназии Флерова в Мерзляковском переулке, где физику преподавал Флеров, химию - знаменитый химик Фалеев, по учебникам которого шли уроки во многих школах, географию - Алексей Иванович Барков (один из авто-

были такие перчаточки без пальчиков (мигачки назывались), вуалетки, старинные ридикюли... Я любила арбатские особняки, и мне всегда казалось, что эти старушки живут именно в этих очаровательных полуразрушенных особняках.

Мне было больно до слез, когда изуродовали мой Арбат этими страшными фонарями, поставив их почему-то буквально на каждом шагу. Кому это пришел в голову? Как же можно было такое количество фонарей на такой узкой улице поставить?! Она ведь не шире Сивцева Вражка!.. Вообще, в районе Арбата стало много всяких несурзностей... Например, улица, на которой я живу, называется улица Танеевых (в прошлом - Малый Власьевский переулок), а на ней - всего четыре дома. А Сивцев Вражек - переулок, хотя и тянется на километр... На нашей улице очень долго висела такая доска: «Улица братьев Танеевых. Один - композитор, другой - демократ». Слава Богу, эту нелепую доску сняли. Кстати говоря, Танеевы здесь никогда и не жили. Они жили в Чистом переулке, там, где ныне резиденция Патриарха Всея Руси Алексия II.

Когда на Арбате началось время художников, я это приветствовала. Мы с Александром Семеновичем Менакером, наверное, прирожденные коллекционеры.

сейчас он отреставрировал старинный барский дом, где у нее будет художественная школа для ребятишек, которые хотят лепить. Это же прекрасно!.. А открыла для себя эту Ирочку - все-таки я. И она еще раз ко мне заходила, и принесла мне замечательную картину «Венок сыну». На ней изображена старушка, которая плетет венок; рядом с иконой на полочке - веточка вербы и портрет сына, очевидно, погибшего... Эта работа на меня произвела очень сильное впечатление.

Ну, вот, я рассказала вам о судьбе одной арбатской художницы. А их было много: Можейко, Чернакова, Синицын... Когда я выходила на Арбат, мне было приятно, что они меня уже узнавали, здоровались со мной. Теперь это достаточно известные художники. Но я покупала их картины не для того, чтобы потом, когда они прославятся, продать за огромные деньги. Просто мне это нравилось. Я и сейчас живу рядом с их картинами и называю это «моим Арбатом».

А на нынешний Арбат я не хожу даже гулять. То, что его очистили от этой барахолки, от знамен, фуражек, шинелей и матрешек, - это замечательно. Но его не сделали красивым. А ведь прежде он был красив! На нем были замечательные букинистические магазины, в которые заходи-

Мария МИРОНОВА:

«Мне кажется, из старых москвичей остались только Минин с Пожарским, Василий Блаженный и я»

У КАЖДОГО СВОЙ АРБАТ

ров знаменитого учебника Крубер-Барков-Чефранов). Тогда везде было обязательное семилетнее образование, и это была единственная школа-девятилетка МОНО им. Фриггофа Нансена. Но уже восьмой и девятый класс мы учились по типу университета, посещали лекции. У нас был даже такой предмет, как психология. Ее преподавал профессор Петр Антонович Рудик. Нашу школу закончили многие известные люди.

Я ездила в школу на двух трамваях, и вставала в шесть часов утра. Трамвай ходил плохо, и я, засыпая в «Аннушке», проспала у сидящих напротив, чтобы не проспать: «Вы где будете выходить?» «У Арбатской площади». «Пожалуйста, у Никитского ворот толкните меня, только не забудьте!». И досыпала некоторое время в трамвае.

Юность моя прошла в Денежном переулке (теперь это улица Веснина), в квартире Вахтанговых. Я помню живого Евгения Багратионовича. В то время я училась в театральном техникуме им. Луначарского (нынешний ГИТИС) - тогда это была единственная высшая театральная школа, и параллельно занималась с Борисом Васильевичем Шуйкиным. Надежда Михайловна Вахтангова разрешила нам заниматься в кабинете Евгения Багратионовича.

В доме Вахтанговых я встречала многих замечательных людей. Благодарю Бога за то, что судьба свела меня со знаменитыми вахтанговцами: Рубеном Николаевичем Симоновым, Мансуровой, Ремизовой, Синельниковой, Басовым, Горюновым, Толчановым... Все они были замечательными, веселыми, озорными людьми, несмотря на тяжелое время. Я была на премьере «Турандот» - забыть это невозможно!.. Кстати, недавно на сцене Вахтанговского театра состоялась премьера спектакля «Без вины виноватые», поставленного Петром Фоменко, где блистательно играли Борисова, Яковлев, Максакова, Волынцев, Шалевич. После спектакля я вышла всех их благодарить и сказала, что, если был бы жив Евгений Багратионович, он сам бы сказал им «спасибо». Они напомнили мне неповторимый Вахтанговский театр времен моей юности.

Я всегда любила Арбат, его переулки, его старушек. Сейчас я сама - арбатская старушка, но не такая коренная, как были они. Это были совершенно особенные старушки. Когда я смотрела на них, у меня было впечатление, что все они - бывшие фрейлины двора Его Величества. У них

Он очень давно начал собирать коллекцию советского фарфора так называемого «переходного периода» - с 1917 по 1924 год. И потом в течение нашей совместной сорокапятилетней жизни мы делали это вместе. Фарфор был удивительно красочный, очень точно отобразивший эпоху. В нашей коллекции были замечательные работы Сутина, Чехонина, сестер Данько, Щекотиной-Потоцкой. Сейчас это называется «агитационный фарфор»...

Умер Александр Семенович, умер Андрей, и я решила отдать коллекцию в музей: пусть люди ходят и смотрят. И вот этот фарфор собрали в огромные коробки, и увезли. Остались пустые стены. И я подумала: «Нет, если Богу все еще нужна моя жизнь, надо устроиться так, чтобы я могла здесь существовать».

Я стала ходить на Арбат, где в то время было немало интересных художников. Однажды я вышла туда в очень холодный морозный день и увидела большую толпу, что-то оживленно обсуждающую. Я заинтересовалась и подошла поближе. Там стояла прелестная молоденькая девушка, замерзшая до синевы, и продавала оригинальнейшие горельефы из шамотной глины: деревенские бани, деревенские бабы, деревенский базар... У меня как раз были с собой деньги, и вдруг какой-то довольно пьяный художник, посмотрев на меня, сказал девушке: «Не волнуйтесь, вот ЭТА сейчас у Вас все купит!» Он увидел, что у меня загорелись глаза...

А надо вам сказать, у меня есть чутье на такие вещи. Я действительно у нее все купила и пригласила ее к себе домой. Мы разговорились. Я узнала, что девушку зовут Ирочка Емелина, что она закончила Суриковского училища по живописи, но к этому ее не тянет, а хочет она делать вот эту горельефную скульптуру...

Прошло время. И вдруг однажды я открываю «Огонек» и вижу очерк «Емелино счастье» и много ее работ!.. А потом ко мне снова пришла Ирочка Емелина и сказала, что у нее уже все в порядке, ее работами заинтересовались японцы и американцы, но живет она все равно в деревне, где-то в ста пятидесяти километрах от Москвы.

А недавно я смотрю телевизор, и человек, который мне чрезвычайно нравится - губернатор Нижнего Новгорода Немцов, - говорит на фоне картины вот этой Ирочки Емелиной. И тогда я начинаю просить: когда придет Немцов, познакомьте меня с ним, я хочу узнать, почему вдруг у него в Нижнем висит эта картина. И выяснилось, что Немцов нашел эту Емелину, и что

ли и Толстой, и Бунин, и Чехов... На Арбате были узенькие тротуары и старинные фонари. Мне хочется, чтобы все это вернулось, чтобы туда вернулись художники. Хорошие художники, а не спекулянты. Ведь в Париже Монмартр художники не портят. Без художников это был бы не Монмартр. Так почему же у нас не может быть такой улицы художников? Могу сказать, что в самое тяжелое для меня время мне помог Арбат. И эти художники мне помогли. Я их всех вспоминаю добрым словом и желаю им успеха.

Арбат необходимо вернуть. И тогда все увидят, насколько хороша и неповторима эта старинная улица, и насколько уродлив так называемый Новый Арбат (Калининский проспект)! Когда я смотрю на его высоченные каланчи, мне это напоминает рот с редкими зубами. Кроме того, там такие сквозняки, что даже в безветренную погоду с тебя срывает платок!.. Там же невозможно ходить! Мне рассказывала Вера Кузьминична Васильева, живущая в одной из этих башен на двадцатом этаже, что, когда поднимается сильный ветер, у нее просто вылетают стекла!..

Вы спрашиваете, возможно ли восстановить былой Арбат? Я думаю, если захотеть, то можно. Если только очень захотеть. Правда, фонари стоили так дорого, что выкорчевывать их, наверное, еще дороже... Но я бы все-таки сделала это на месте нынешних богатых людей, которые раздадут деньги направо и налево, устраивая безумные лотереи, когда за две сбитые шариком бутылки награждают телевизором «Сони». У меня создается впечатление, когда я смотрю на все эти лотереи, что мы находимся в плохую усовершенствованном сумасшедшем доме!..

Я - старая женщина и обращаю к молодым нашим капиталистам: не бросайте деньги на ветер, на шарики и бутылки! Вы бы оставили по себе хорошую память, если бы взяли да восстановили Арбат - хотя бы в дореволюционном его виде!..

Вот если найдутся такие люди, то я верю в то, что Арбат будет жить.

Записал Михаил НОДЕЛЬ